

П.Я. ЧААДАЕВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Мощелков Евгений Николаевич, доктор политических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ленинские горы
E-mail: enm@inbox.ru

П.Я. Чаадаев, как и для своих современников, так и в наше время остается одним из самых загадочных и противоречивых русских мыслителей. В течение своей жизни (1794–1856) Чаадаев написал немного произведений, еще меньше было опубликовано при его жизни. Но даже то немногое, что увидело свет, имело колоссальное влияние и резонанс в тогдашнем русском обществе. Чаадаев не только обозначил основные полярности в истории, историческом развитии России, которые впоследствии были конкретно развиты в различных социально-политических теориях, но и показал, как можно объяснять одно и то же с противоположных политических и идейных позиций.

Ключевые слова: Чаадаев, общество, бытие, истина, Россия, настоящее, будущее, Запад, Восток, идея

P.Ya. CHAADAEV AS A SOCIAL AND POLITICAL THINKER

Moshchelkov Evgeny N., D.Sc. (Politic), Professor
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation
E-mail: enm@inbox.ru

P. Chaadaev, as for his contemporaries, and in our time remains one of the most mysterious and controversial of Russian thinkers. In the course of their lives (1794–1856) Chaadaev wrote a few works, even less was published during his lifetime. But even the little that saw the light, had a tremendous impact and resonance in the then Russian society. Chaadaev not only outlined the main pole, the polarity in history, the historical development of Russia, which was specifically developed in different socio-political theories, he showed how it is possible to explain the same thing from the opposite political and ideological positions.

Keywords: Chaadaev, society, being, truth, Russia, present, future, West, East, idea

Основные теоретические работы Чаадаева – это восемь «философических» писем (рис. 1), которые были написаны в 1828–1830 гг., в те годы ходили в списках и были известны определенному кругу русских интеллектуалов. Опубликовано было только *первое письмо* в 1836 г. в журнале «Телескоп», что вызвало грандиозный скандал. Участники этого скандала серьезно пострадали. Редактор журнала Надеждин был сослан, цензор Болдырев – уволен, а сам Чаадаев по указанию Николая I объявлен сумасшедшим.

В 1837 г. Чаадаев написал «Апологию сумасшедшего», которая в то время также ходила в списках, а опубликована в России была только после революции 1905 г.

Целый ряд оригинальных мыслей и оценок мы можем найти и в некоторых других небольших работах Чаадаева, относящихся к периоду 1843–1854 гг. Но этих работ, как мы уже отметили выше, немного. Всего в полном (!) собрании сочинений Чаадаева, вышедшем в 1991 г., включено (не считая «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего») всего двенадцать произведений.

Так каково же место этого мыслителя в интеллектуальной истории России последнекабристского периода XIX в.?

В связи с этим выделим три момента:

1. **Хронологический.** Первое «Философическое письмо» Чаадаева (1828) – это первое крупное произведение русской общественной и политической мысли после конституционных проектов Пестеля и Муравьева.

2. **Проблемный.** Чаадаев первый в теоретическом, историософском плане выделил проблему *судьбы России* – ключевую проблему всей интеллектуальной истории России XIX в. Именно интерпретация этой проблемы определяла все остальное: трактовки прошлого, настоящего и будущего России.

Постановка этой проблемы была, без сомнения, обусловлена катастрофой 14 декабря. Русская мысль не могла не размышлять над истоками и причинами этой катастрофы, хотя в открытой печати данная тема, разумеется, была под запретом. Она стала темой внутренних размышлений и на «поверхность» вышла в виде проблемы о судьбе России.

В истории общественной мысли России XIX в. нет ни одного более или менее крупного мыслителя, кто обошел бы этот вопрос. Но первым был Чаадаев. Он не только ясно и прямо осмыслил наличие этой проблемы, но и дал ей свою оригинальную трактовку.

3. **Концептуальный.** Чаадаев впервые создал свой вариант теоретического объяснения мировой истории и истории России в частности. Тем самым он стал первым в России мыслителем, который предложил свою модель *философии истории*, основы которой, как известно, были заложены философами французского Просвещения (сам термин принадлежит Вольтеру).

В своей модели философии истории Чаадаев не просто дал изложение исторических фактов, а обозначил основы и механизмы исторического процесса, факторы социальной и политической динамики.

Начнем с анализа третьего момента. Так в чем суть философии истории Чаадаева? Какова его трактовка исторического, а значит и социально-политического процесса? Сформулируем ответ на этот вопрос в виде пяти базовых положений, которые раскрывают позиции Чаадаева в первую очередь как социального и политического мыслителя.

Положение первое. В основе историософской концепции Чаадаева находится основополагающая идея Просвещения о первостепенной роли человеческого разума в развитии общественных порядков и социального прогресса. Немецкая идеалистическая философия начала XIX в. (а труды Канта, Гегеля, Шеллинга, как известно, Чаадаев хорошо знал. С Шеллингом он был знаком, в течение многих лет вел переписку) довела эту идею до своего логического завершения.

Вот как пишет об этом сам Чаадаев: «Историю творит Разум, Абсолютный Дух, или История и есть воплощение этого Абсолютного Духа»; «Вся история нового общества происходит на почве убеждений. Значит, это настоящее воспитание. Утвержденное с самого начала на этой основе, новое общество двигалось вперед лишь под влиянием мысли. Интересы в нем всегда следовали за идеями и никогда им не предшествовали. В этом обществе постоянно из убеждений создавались интересы, никогда интересы не вызывали убеждений. Все политические революции были там по сути революциями нравственными»; «...Итак, главный, можно сказать единственный интерес у новых народов заключался лишь в убеждении. Все интересы – материальные, положительные, личные – поглощались этим интересом». [11, т. 1, с. 334–335].

Положение второе. История для Чаадаева – это не хаос, не спонтанное движение. Это законообразный процесс. Чаадаев говорит о проявлении «вечного закона нравственного мира», который проявляется «в последовательных изменениях общества» [11, т. 1, с. 339]. Этот закон проявляет свое действие во все времена и во всех пространствах, а значит вне времени и вне пространства. Для Чаадаева «время» и «пространство» – это категории человеческого бытия. «Бог времени не создал; он дозволил это сделать человеку», – пишет мыслитель в третьем философическом письме [11, т. 1, с. 362–363].

Стало быть закон, по которому развивается общество, привнесен в это общество взнемым Абсолютом, Богом. По Чаадаеву, бытие состоит из двух параллельных миров – высшего, духовного и земного. (В одном из писем И. Киреевскому 1832 г. Чаадаев называет свою теорию *философией параллелизма*.) По Чаадаеву, в земном мире мало порядка, здесь прогресс чередуется с регрессом, развитие этого мира «не свидетельствует о постоянном и последовательном движении вперед общества в целом». И только «в обществе, не созданном руками человеческими, можно заметить настоящее восходящее движение, принцип реального и бесконечного прогресса» [11, т. 1, с. 400].

Идея законообразности истории у Чаадаева тесно связана с идеей постепенности общественного развития. Отсюда его неприятие революций и переворотов. В записке графу Бенкендорфу (1832) Чаадаев об этом пишет очень ясно и определенно: «Я уже имел случай охарактеризовать революционное начало как начало разрушения и крови...» [11, т. 1, с. 322].

Данная позиция является важной характеристикой политического мировоззрения Чаадаева. Являясь активным критиком правящего строя и имея тесные связи с декабристами, Чаадаев вместе с тем занимал четкую консервативно-либеральную позицию в вопросах общественных изменений и совершенствовании государственных порядков.

Положение третье. Современное общество, даже в самых передовых, развитых его формах, по Чаадаеву, несовершенно. Поэтому важнейшая задача состоит в постоянном улучшении, совершенствовании этого общества. Но как это делать? И главное, что является конечной целью этого совершенствования, идеальным, совершенным обществом? «В мире христианском, – пишет Чаадаев, – все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на Земле, да и ведет к этому на самом деле» [11, т. 1, с. 332].

Для Чаадаева этим обществом является «Царство Божье» (которое он еще называет «новым строем» [11, т. 1, с. 332]. В данном случае это была не просто ключевая христианская идея о внеземной жизни, о внечеловеческом идеальном царстве, но и глубокая историософская идея социального абсолюта, в котором потенциально могут быть разрешены противоречия общественной жизни, противоречия, которые в понятиях и реалиях земной жизни представляются неразрешимыми.

Решающая роль в установлении Царства Божьего на земле по Чаадаеву принадлежит христианству. В этой связи он разделяет и в определенном смысле противопоставляет католичество и православие. Предпочтение он отдает первой ветви христианства, ибо, по его мнению, в католичестве заложено деятельное, социальное [11, т. 2, с. 100], организующее [11, т. 1, с. 500] начало, социальная идея [11, т. 1, с. 334–335], стремление принять непосредственное участие в формировании социально-политических порядков, в социальном развитии человечества [11, т. 1, с. 500]. В частности, по утверждению Чаадаева, католичество способствовало уничтожению такого социального зла, как крепостничество («Уничтожением крепостничества в Европе мы обязаны христианству» [11, т. 1, с. 347]).

В этой связи Чаадаев ставит вопрос: «...Почему же христианство не имело таких же последствий у нас? Почему, наоборот, русский народ попал в рабство лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйских?» [11, т. 1, с. 347].

Православию (восточной церкви) была отведена другая участь. Она, пишет Чаадаев, «...довела покорность до крайности, она всячески стремилась себя уничтожить: преклонить колена перед всеми государями...» [11, т. 1, с. 501]. Православная церковь осталась в стороне от социально-политических процессов, она заняла духовно-нравственную нишу. В этом ее безусловная слабость, но в этом ее сила.

Таковы основные положения философии истории Чаадаева. Размышления и оценки Чаадаева о России, о ее прошлом, настоящем и будущем (а именно эта часть его творчества имела наиболее сильный резонанс в тогдашнем русском обществе),

необходимо рассматривать как логический вывод из историософского учения Чаадаева, а не наоборот.

Так что же говорил Чаадаев о России, как он оценивал общественное развитие России? Если на этот вопрос ответить коротко, то ответ такой: Россия для Чаадаева – это аномальное общество.

Обратимся к формулировкам самого Чаадаева: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»; «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [11, т. 1, с. 325]; «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы не в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, все, что досталось нам от этого движения, мы исказили... Ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды...» [11, т. 1, с. 329–330]; «В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; ...мы составляем пробы в интеллектуальном порядке. Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия» [11, т. 1, с. 330–331] и т.д.

Итак, что такое Россия, если обобщить приведенные выше и подобные формулировки Чаадаева? Россия – это страна, существующая «как бы вне времени», страна «плоского застоя», без традиций, без идей, без открытий, одним словом – это «пробел в интеллектуальном порядке», «лист белой бумаги», «бедная страна, заблудившаяся на земле» и, тем самым, Россия, по Чаадаеву, – это «великий урок потомкам», подразумевая при этом урок, как не надо жить.

Почти одновременно достоянием публики стали два произведения: весной 1836 г. в Москве и Петербурге прошла премьера комедии Гоголя «Ревизор», а в сентябре 1836 г. в журнале Надеждина «Телескоп» было опубликовано первое философическое письмо Чаадаева. И у публики, и в правительственных кругах эти два произведения вызвали прямо противоположные реакции: первое – восторг, второе – отторжение, негодование. Правительственная реакция на чаадаевское письмо была, как известно, вообще крайне негативна: по указанию Николая I он был объявлен сумасшедшим.

В чем дело? Казалось бы, и в первом, и во втором случаях мы сталкиваемся с одинаковой картиной России как аномального, порочного общества. На самом деле это не так. У Гоголя – осуждающий и очищающий юмор, смех над пороком, который в конечном итоге получит по заслугам, возмездие будет, ведь настоящий ревизор все-таки приехал, а вместе с ним приехало и возмездие. Порок как гротеск, аллегория.

У Чаадаева порок, аномалия в русском обществе – это принцип развития этого общества, это историческая тенденция, которая, по сути, ведет к безысходности. У Чаадаева нет никакого юмора, никакого смеха, у него все предельно серьезно.

И зря по этому поводу недоумевает Чаадаев, хотя сам при этом формулирует вопрос, по сути уже содержащий ответ: «Почему же мы так снисходительны к циническому уроку комедии и столь недоверчивы по отношению к строгому слову, проникающему в суть вещей?» [11, т. 1, с. 537].

Картина России, которую нарисовал Чаадаев, стала лакмусовой бумажкой спектра политических мировоззрений тогдашней России. С одной стороны, эта картина не могла не вызвать критику со стороны деятелей, придерживающихся позиции национально-государственного патриотизма. В их числе был А.С. Пушкин, который в письме к Чаадаеву (окт. 1836 г.) писал: «Я далек от восхищения всем, что вижу вокруг..., но клянусь

вам честию, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, какой нам бог ее дал».

С другой стороны, эта картина не могла не укрепить позиции антигосударственников и антипатриотов (В.С. Печерин, Вяземский). Квинтэссенция этой позиции в стихе Печерина: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтожения / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного десницу возрождения».

Таковы, на первый взгляд, оценки Чаадаевым русского общества и соответствующая реакция на эти оценки современников.

Но сводится ли понимание России у Чаадаева только к этим оценкам? Внимательное прочтение его работ показывает, что понимание им России гораздо более сложное, многоплановое, противоречивое. В какой-то мере в этом проявляется серьезная эволюция взглядов Чаадаева на протяжении его жизни. Но дело не только в этом. Дело в самой философской основе анализа действительности Чаадаевым. Эту философию можно назвать «философией антиномий», поскольку на определенном тезис у Чаадаева находится антитезис.

Выше мы приводили тезисы Чаадаева (крайне негативные) трем важнейшим позициям: 1) прошлое России; 2) будущее России; 3) роль России в мире. Но в его работах оказывается можно легко найти по данным позициям прямо противоположные тезисы (т.е. антитезисы).

Рис. 1. Философские письма

Рис. 2. Портрет П.Я. Чаадаева

Позиция первая (прошлое России): «...В ту эпоху, когда вы были погружены в средневековый мрак, мы гигантскими шагами шли по пути всяческого прогресса; ...мы уже тогда обладали всеми благами современной цивилизации и большинством учреждений, которые у вас даже теперь можно найти лишь на степени утопий» [11, т. 2, с. 177]; «Благодаря трудам современной учености никто не сомневается в огромном развитии нашей общественной жизни во времена допетровых» [11, т. 1, с. 549].

Позиция вторая (будущее России): «Никакая сила в мире не заставит нас выйти из того круга идей, на котором построена вся наша история...» [11, т. 1, с. 493];

«Я уверен, придет время, когда мы сумеем так понять наше прошлое, чтобы извлечь из него плодотворные выводы для нашего будущего... Мы будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами путь...» [11, т. 2, с. 537]; «Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир...» [11, т. 1, с. 569].

Чаадаев отмечает, что исторически мир разделяется на Запад и Восток [11, т. 1, с. 526–531]. Но каково отношение России к этим двум частям мира?

Россия – это не Запад. Чаадаев понимая при этом Запад как некую целостность. Он отмечает «семейное сходство в развитии» европейских народов («Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был только один язык при обращении к Богу, только один нравственный авторитет, только одно убеждение...» [11, т. 1, с. 326–327, 334–335]; «...У нас другое начало цивилизации, чем у этих народов...» [11, т. 2, с. 98].

Россия – это не Восток. Чаадаев: «...Мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока – своя история, не имеющая ничего общего с нашей» [11, т. 1, с. 531].

Специально Чаадаев акцентирует внимание на неприменимость к условиям России политических правил и традиций Европы. Политические «учреждения, возникнув из совершенно чуждого нам общественного строя, не могут иметь ничего общего с потребностями нашей страны». Поэтому, заключает Чаадаев (и это чрезвычайно важное заключение), «...политические теории, которые у них в ходу, противоположны требованиям великой нации, создавшей себя самостоятельно...» [11, т. 1, с. 516–517].

Позиция третья (роль России в мире): «...Русский народ, великий и мощный должен, думается мне, вовсе не подчиняться воздействию других народов, но со своей стороны воздействовать на них» [11, т. 2, с. 83–84]; «Я убежден, что на нас лежит задача разрешить величайшие проблемы мысли и общества, ибо мы свободны от пагубного влияния суеверий и предрассудков, наполняющих умы европейцев» [11, т. 2, с. 89]; «Вы знаете, что держусь того взгляда, что Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всех вопросов, возбуждающих споры в Европе... Она [Россия], на мой взгляд, получит в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки» [11, т. 2, с. 92]; «Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику;...ее дело в мире есть политика рода человеческого...» [11, т. 2, с. 97]; «...Идея нашего отечества состоит в таком превращении скандинавской цивилизации, какое необходимо для мира азиатского, и что идея Испании имеет подобное значение для мира Африканского. Россия и Испания не отстали от Европы, а идут своим путем, отличным от Европейского» [11, т. 2, с. 540].

Таким образом, в рассуждении Чаадаева о России и о мире в целом обнаруживаются, по меньшей мере, три взаимосвязанные **антиномии («или – или»)**: 1. **Или** у России есть история (прошлое), содержательный и плодотворный социальный, политический и интеллектуальный опыт; **или** такой истории (прошлого) нет, и Россия есть в этом смысле чистый лист бумаги? 2. **Или** Россия имеет свой *особый* исторический путь, принципиально отличный от Запада, и именно этот особый путь приведет ее к лучшему будущему, **или** Россия это отставшее общество, которому для построения этого лучшего будущего необходимо, желательно ускоренно, пройти, *повторить* путь Запада? 3. **Или** Россия – это страна, которая заблудилась в мире, и в силу своей отсталости ничего миру дать не может, **или** у России есть всемирно-историческое предназначение, идея, миссия разгадки мировых загадок?

Получается какой-то замкнутый круг из трех «или – или». Чаадаев все время ходит по этому кругу, отталкивается то от одного «или», то от другого. Что это? Эклектика, путаница в понятиях или эволюция мировоззрения. Мы думаем, что ни эклектика, ни тем более не путаница в понятиях и даже не банальная творческая эволюция. Это эволюция в постижении скрытой сути вещей, в понимании реальной, действительной противоречивости, антиномичности русской истории. И круговращения чаадаевской мысли есть отражения реальных круговоротов русской истории. В данной

оригинальности чаадаевской мысли было скрыто предостережение последующим русским мыслителям по поводу того, что любая конкретность выбора неизбежно ведет к упрощению и огрублению русской истории. Это предостережение фактически никем услышано не было.

Причем его философия истории была не просто оригинальна, а фактически соединила несоединимое – взаимоисключающие, полярные подходы, оценки и суждения о русской истории.

Чаадаев не только обозначил основные полюса, полярности в истории, историческом развитии России, которые впоследствии были конкретно развиты в различных социально-политических теориях, он и показал, как можно объяснять одно и то же с противоположных политических и идейных позиций. Поэтому не случайно вся последующая социально-политическая мысль России вышла из Чаадаева, ибо она является либо преемственным развитием его идей, либо непримиримой критикой или полемикой с этими идеями.

Список литературы

1. Гершензон М. О. Чаадаев / М. О. Гершензон. – Москва, 2000.
2. Иванов-Разумник Р. В. История общественной мысли : в 3 т. / Р. В. Иванов-Разумник. – Москва, 1997. – Т. 1.
3. Каменский З. А. Урок Чаадаева (П.Я. Чаадаев в 40–50-х годах XIX в.) / З. А. Каменский // Вопросы философии. – 1986. – № 1.
4. Каменский З. А. Парадоксы Чаадаева / З. А. Каменский // П.Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. – Москва, 1991. – Т. 1.
5. Лазарев В. В. Чаадаев / В. В. Лазарев. – Москва, 1986.
6. Лебедев А. А. Чаадаев / А. А. Лебедев. – Москва, 1965.
7. П. Я. Чаадаев: Pro et contra. – Санкт-Петербург, 1998.
8. Рудницкая Е. Л. Чаадаев и Чернышевский: цивилизационное видение России / Е. Л. Рудницкая // Вопросы истории. – 2003. – № 8.
9. Смирнова З. В. П.Я. Чаадаев и русская общественная мысль первой половины XIX века / З. В. Смирнова // Вопросы философии. – 1968. – № 1.
10. Тарасов Б. Н. Чаадаев / Б. Н. Тарасов. – 2-е изд., доп. – Москва, 1990.
11. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. / П. Я. Чаадаев. – Москва, 1991.
12. Чаадаев П. Я. Сочинения и письма / П. Я. Чаадаев. – Москва, 1913–1914. – Т. 1–2.
13. Чаадаев П. Я. Статьи и письма / П. Я. Чаадаев. – Москва, 1987.
14. Чаадаев П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев. – Москва, 1989.
15. Чаадаев П. Я. Письма из-за границы к брату (1823–1826) / П. Я. Чаадаев. – Варшава, 1912.

Reference

1. Gershenzon M. O. *Chaadaev* [Chaadaev]. Moscow, 2000.
2. Ivanov-Razumnik R. V. *Istoriya obshchestvennoy mysli: in 3 vol.* [The history of social thought: in 3 vol.]. Moscow, 1997, vol. 1.
3. Kamenskiy Z. A. Urok Chaadaeva (P.Ya. Chaadaev v 40–50-kh godakh XIX v.) [Chaadaev's lesson (P.Ya. Chaadaev in the 40-50s of the XIX century)]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1986, no. 1.
4. Kamenskiy Z. A. Paradoksy Chaadaeva [Paradoxes of Chaadaev]. *P.Ya. Chaadaev. Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pisma: in 2 vol.* [P.Ya. Chaadaev. Complete works and selected letters: in 2 vol.]. Moscow, 1991, vol. 1.
5. Lazarev V. V. *Chaadaev* [Chaadaev]. Moscow, 1986.
6. Lebedev A. A. *Chaadaev* [Chaadaev]. Moscow, 1965.
7. *P. Ya. Chaadaev: Pro et contra* [P. Ya. Chaadaev: Pro et contra]. St. Petersburg, 1998.
8. Rudnitskaya Ye. L. Chaadaev i Chernyshevskiy: tsivilizatsionnoe videnie Rossii [Chaadaev and Chernyshevsky: the civilizational vision of Russia]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2003, no. 8.

9. Smirnova Z. V. P.Ya. Chaadaev i russkaya obshchestvennaya mysl pervoy poloviny XIX veka [P.Ya. Chaadaev and Russian public thought of the first half of the XIX century]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1968, no. 1.
10. Tarasov B. N. *Chaadaev* [Chaadaev]. Moscow, 1990. 2nd ed.
11. Chaadaev P. Ya. *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pisma: in 2 vol.* [Complete Works and Selected Letters: in 2 vol.]. Moscow, 1991.
12. Chaadaev P. Ya. *Sochineniya i pisma* [Works and Letters]. Moscow, 1913–1914, vol. 1–2.
13. Chaadaev P. Ya. *Stati i pisma* [Articles and Letters]. Moscow, 1987.
14. Chaadaev P. Ya. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1989.
15. Chaadaev P. Ya. *Pisma iz-za granitsy k bratu (1823–1826)* [Letters from abroad to his brother (1823-1826)]. Warsaw, 1912.

И.В. КАМЕНСКИЙ – ИДЕОЛОГ «НОВОГО СЛАВЯНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ»

Болдин Владимир, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Рассматриваются социально-политические взгляды одного из видных участников славянского движения конца XIX – начала XX в. Ильи Владимировича Каменского. Концепция «нового славянского мировоззрения», предложенная И.В. Каменским, анализируется в контексте происходивших в России социальных, политических и экономических изменений, которые во многом предопределили отказ молодого поколения панславистов от традиционных славянофильских и панславистских концепций. Социально-политические и экономические трансформации, произошедшие в обществе, поставили перед идеологами славянского объединения задачу выработки «нового мировоззрения», способного отвечать вызовам эпохи. В статье делается вывод о том, что эволюция панславистских политических концепций конца XIX – начала XX в. в сторону пропаганды идей экономической интеграции славянских земель и поощрения развития торговых отношений между «Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом» во многом была предопределена объективными факторами, игнорирование которых в новых реалиях было попросту невозможно. Эволюция панславистских политических концепций конца XIX – начала XX в. является мало проработанной темой в политологической литературе, несмотря на то, что некоторые идеи, предложенные сторонниками «нового славянского мировоззрения», имели реальную практическую реализацию (например, проведение двух всеславянских съездов в 1908 и 1910 гг.). Более того, некоторые идеи, впервые высказанные еще В.И. Каменским, получили дальнейшую разработку и на политическом уровне. В ходе многочисленных переговоров между политическими деятелями славянских земель (В. Клофач, К. Крамарж, И. Хрибар, С. Радич) и членами Государственной Думы Российской империи (Н.М. Хомяков, В.А. Маклаков и др.) не раз поднимались вопросы создания славянского банка, развития славянского туризма и молодежного движения, поощрения культурных связей и многих других. Это лишний раз подтверждает актуальность идей, озвученных И.В. Каменским в конце XIX – начале XX в. и в дальнейшем повлиявших на возрождение «славянского вопроса».

Ключевые слова: панславизм, славянское движение, «новое славянское мировоззрение», «Славянская беседа», И.В. Каменский, «Славянский век»

I.V.KAMENSKY – IDEOLOGIST OF THE “NEW SLAVIC OUTLOOK”

Boldin Vladimir, postgraduate student

The Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: boldin.v.a@gmail.com